

ДЖОЗЕФ КОНРАД

СЕРДЦЕ ТЬМЫ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
К64

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с английского *Е. Романовой* («Сердце тьмы»),
М. Николенко («Теневая черта», «Фрейя Семи островов»)

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фerez*
Компьютерный дизайн *А. Чаругиной*

Конрад, Джозеф.
К64 Сердце тьмы : [сборник] / Джозеф Конрад ;
[перевод с английского Е. Романовой, М. Нико-
ленко]. — Москва : Издательство АСТ, 2024. —
448 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-107457-9

Небольшая повесть «Сердце тьмы» была впервые опу-
бликована в 1902 году и произвела большой переворот в
англоязычной литературе, классикой которой считается и
теперь, а фильм Фрэнсиса Форда Coppola «Апокалипсис
сегодня», снятый по ее мотивам, был и остается одним из
самых сильнейших произведений в истории мирового кино.

Молодой капитан Марлоу плывет по реке Конго. Плы-
вет через дикие африканские джунгли, полные опасностей
и жестокостей. Плывет к своей цели — маленькой факто-
рии в темных зарослях, превращенной таинственным скуп-
щиком слоновой кости Куртцем в мрачное и загадочное
царство ужаса...

Помимо «Сердца тьмы», в сборник вошли также по-
вести «Теневая черта» и «Фрейя Семи островов».

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Школа перевода В. Баканова, 2019

© Издание на русском языке AST

ISBN 978-5-17-107457-9

Publishers, 2024

СЕРДЦЕ ТЬМЫ

Глава 1

Яхта «Нелли» повернулась на якоре и застыла. Начинаясь прилив, паруса висели неподвижно — стоял почти полный штиль, — и нам ничего не оставалось, кроме как дожидаться отлива.

Впереди раскинулось устье Темзы, бесконечный водный простор. Море и небо были спаяны воедино без намека на горизонт, и в этой сияющей дали баржи, идущие с приливом вверх по реке, казалось, стояли на месте — в рдяных скоплениях дубленых парусов поблескивали лакированные бушприты. На пологих берегах и песчаных отмелях лежал туман. Воздух над Грейвзендом был темен, а дальше еще темнее: скорбная тьма клубилась над самым большим и великим городом земли.

Нас принимал капитан и владелец яхты, он же директор акционерного общества. Сейчас он стоял на носу и смотрел вдаль, словно лоцман, а мы четверо любовались его благородной спиной. На всей реке не было никого и ничего, что в той же степени олицетворяло бы собой моряцкое дело, — недаром лоцманы пользуются безоговорочным доверием моряков. Трудно было даже представить,

что призвание этого человека лежало не впереди, в сияющей морской дали, а позади, под завесой тьмы.

Как я уже когда-то говорил, всех нас связывало море. Эта духовная связь между нами крепла с каждым дальним плаванием, и мы сделались на удивление терпимы к байкам и даже убеждениям друг друга. Адвокату — приятнейшему старику — в силу преклонных лет и многочисленных заслуг досталась единственная подушка и единственный коврик. Счетовод уже вынес на палубу домино и выстраивал из костяшек архитектурные сооружения. Марлоу сидел на корме, скрестив ноги и прислонившись к бизань-мачте. У него были впалые щеки, желтое лицо, прямая спина и аскетический облик. Он опустил руки и вывернул наружу открытые ладони, отчего стал похож на идола. Убедившись, что якорь держит как надо, директор присоединился к нам на корме. Мы благодушно обменялись парой слов, после чего на борту яхты воцарилась тишина. Играть в домино отчего-то расхотелось. Всех охватила томная задумчивость и молчаливость; мы только и могли, что миролюбиво поглядывать по сторонам. День подходил к безмятежному и сияющему своему завершению. Вода мягко сверкала на солнце; бескрайние небесные просторы дарили ласковый свет. Даже туман над эссекскими болотами казался отрезом воздушной сверкающей ткани: прозрачными складками он спадал с лесистых склонов и ложился на взморье. Однако тьма

на западе, словно разъяренная приближением солнца, с каждой минутой становилась все гуще.

Наконец солнечный шар в своем незримом падении коснулся горизонта. Из сияющего белого он превратился в красный и больше не испускал ни лучей, ни тепла, будто приготовился погаснуть, сгинуть в мгновение ока от соприкосновения с той тьмой, что висела над скопищем людей.

Тотчас перемены постигли и водную гладь: сияние ее ослабло, но зато она стала еще спокойней. Древняя широкая река на исходе дня несла свои воды бесстрастно и невозмутимо — спустя долгие века исправного служения людям, заселившим ее берега, она раскинулась вальяжно, как и подобает великому потоку, ведущему к самым отдаленным уголкам земли. Нам посчастливилось наблюдать достопочтенную Темзу не в яркой суете мимолетного дня, но в августейшем сиянии воспоминаний, которые остаются надолго. И действительно, в низовьях Темзы человеку, который, как говорят, с почтением и любовью «посвятил жизнь морю», не трудно воочию увидеть великое прошлое нашей страны. Приливы и отливы несут здесь свою вечную службу: влекут корабли, людей и их воспоминания то к родному дому, то на поля морских сражений. Эти воды служили всем, кем гордится английский народ, от Фрэнсиса Дрейка до сэра Джона Франклина, всем героям, титулованным и нетитулованным, всем странствующим рыцарям моря. По Темзе ходили корабли, чьи имена сверкают, подобно

драгоценным камням, во тьме времен: начиная от «Золотой лани», что вернулась из кругосветного плавания, наполненная сокровищами, и принимала на своем борту ее величество, после чего навсегда выпала из жизни и истории великой страны, заканчивая «Эребусом» и «Террором», что ушли осваивать Арктику и не вернулись. Река знала корабли и людей. Они шли сюда под парусом из Дептфорда, Гринвича и Эрита — искатели приключений и колонисты; королевские и торговые суда; капитаны, адмиралы, нечистые на руку восточные купцы и «генералы» ост-индских флотилий. Искатели золота и славы, все они шли по этим водам, с мечом — и часто с факелом — в руке, посланцы сильных мира сего, хранители искры священного огня. Какое величие несли эти воды навстречу тайне неизведанных земель! Мечты людей, зачатки держав, семя империй...

Солнце село; туман опустился на реку, и вдоль берегов уже загорались огни. Над илистой отмелью ярко светилась трехногая тварь — маяк Чэпмен. По фарватеру, сверкая огнями, скользили корабли. А небо над чудовищным городом, где при свете дня клубилась тьма, ночью отметилось зловещим ореолом.

— А ведь и в этих местах когда-то царила тьма, — вдруг молвил Марлоу.

Из всех собравшихся на борту яхты он один по сей день «посвящал жизнь морю». Ничего плохого о нем сказать не могу, разве что он был нетипичным представителем своего ремесла — не

только моряком, но и подлинным странником. Большинство моряков ведут, если можно так выразиться, оседлый образ жизни. Они предпочитают не выходить из дома, а дом их — борт корабля, и не покидать родной страны — то есть моря. Все корабли очень похожи друг на друга, и море везде одно. Когда окружение неизменно, даже далекие берега, лица чужестранцев и меняющаяся беспредельность жизни лишь проплывают мимо, прикрытые вуалью не тайны, но слегка презрительного неведения, ибо нет для моряка ничего таинственнее самого моря. Море — единственный владыка его существования, непредсказуемый, как сама судьба. В часы, свободные от службы, моряку достаточно прогуляться по набережной или пропустить стаканчик-другой в кабаке, чтобы познать суть всего континента, причем обычно он приходит к выводу, что суть эту не стоило и познавать. Моряцкие байки всегда просты, и понять их смысл так же легко, как извлечь ядро из расколотого ореха. Но Марлоу был необыкновенным моряком (хотя, признаться, байки травить любил), и для него истинное значение рассказываемой истории крылось не в ядре, а в оболочке, которая окутывала ее подобно тому мглистому ореолу, что проступает в призрачном сиянии луны.

Его слова ничуть нас не удивили. Таков был наш Марлоу. Мы выслушали его молча, никто даже не хмыкнул в ответ. Вскоре он медленно произнес:

— Я думал о тех давних временах, когда здесь впервые высадились римляне, — девятнадцать столетий назад, то есть, считай, вчера... Эта река несет свет в темные уголки земли со времен... рыцарей, говорите? Да, но свет их был подобен пожару, вспыхнувшему на поле, молнии, что на миг озарила небеса. Мы все живем в ее отблеске — и пусть он длится, покуда вертится старушка Земля! Однако еще вчера здесь было темно. Представьте себе чувства капитана славной... как бишь они назывались?... триремы, пересекающей Средиземное море. Его вдруг отправляют на север, в спешке переправляют сушей через Галлию и назначают командиром одного корабля из тех, что легионеры строили чуть ли не сотнями и буквально за месяц-другой. Превосходные были ребята, умелые! Так вот: представьте, как этот капитан попадает сюда, на самый край света, и видит море цвета свинца, небо цвета дыма, и судно у него несговорчивое, как концертина. Он идет вверх по реке с товарами, или приказами, или бог знает с чем еще. Песчаные отмели, болота, леса, дикари... Есть почти нечего, а пить воду из Темзы цивилизованному человеку не пристало. Никакого тебе фалернского вина, да и на берег не сойти. Тут и там среди дикой глуши, точно иголки в стоге сена, попадаются военные лагеря. Холод, сырость, туман, бури, болезни, изгнание и смерть — смерть всюду, она таится в воздухе, в воде, в зарослях на берегу. Люди, должно быть, дохли здесь как мухи. О да,

наш капитан справился с заданием, прекрасно справился — и без лишних размышлений, между прочим. Разве что потом, на склоне лет, любил прихвастнуть и вспомнить былые подвиги. Возможно, сердце ему грела мысль о продвижении по службе и поступлении в Равеннский флот — если, конечно, удастся выжить в этом ужасном климате и обзавестись добрыми друзьями в Риме. Да, люди в те времена не боялись заглянуть в лицо тьме. Или представьте себе приличного римского юношу в тоге, который, может быть, проигрался в кости и прибыл сюда вместе с префектом, сборщиком податей или даже купцом, дабы поправить свое положение. Он высаживается на сушу и попадает в болото, бредет сквозь лесную чащу, а потом приходит в какой-нибудь глухой лагерь и сознает: тьма сомкнулась вокруг него, беспросветная первобытная тьма — эта таинственная жизнь природы, что копошится во мраке леса, в джунглях и сердцах дикарей. В подобные тайны никто не посвящает. Юноше приходится жить среди непознанного — и глубоко презираемого. Постепенно в нем просыпается странный восторг — очарованность мерзостью, понимаете? Представьте себе его сожаления, мечты о доме, беспомощное отвращение, смирение, ненависть...

Марлоу умолк.

— Заметьте... — начал он снова, приподняв и согнув в локте одну руку и обратив к небу открытую ладонь. При этом он сидел по-турецки, отчего

напоминал Будду, но в европейском платье и без цветка лотоса в руках. — Заметьте, мы бы на их месте чувствовали себя иначе. Нас спасает деловая хватка, стремление к результату. А эти ребята, чего уж там, звезд с неба не хватали. Колонистами они не были, а их правители, подозреваю, преследовали единственную цель — выжать из новых земель побольше. Завоевателю достаточно грубой силы, и хвастаться здесь нечем, ведь сила эта происходит лишь от слабости других. Они гребли под себя все, что плохо лежало. То был самый натуральный грабеж, зверство в крупных масштабах, и люди предавались этому зверству вслепую — как и подобает тем, кто бросил вызов тьме. Завоевание земель — то есть, в сущности, отнятие земель у людей с другим цветом кожи или чуть более плоскими носами — не самое благородное дело, если вдуматься. Оправдывает его лишь идея, великий замысел, лежащий в основе. Не сентиментальное притворство, но идея и бескорыстная вера в эту идею, которой человек готов служить, поклоняться и приносить жертвы...

Он умолк. Огни скользили по реке — маленькие зеленые, красные и белые огоньки преследовали и захватывали друг друга, пересекались и сливались воедино, затем расходились — медленно или поспешно. Река не знала сна, и движение судов по ней продолжалось даже ночью. Мы смотрели на воду и терпеливо ждали отлива. Делать все равно было нечего, и лишь после того, как Марлоу нерешительно проговорил: «Вы, верно, помните,

как мне однажды довелось ходить по пресной воде...», — мы поняли, что нам предстоит выслушать очередную неоднозначную историю о его моряцкой жизни.

— Не хочу мучить вас лишними подробностями о том, что происходило со мною лично, — начал он, демонстрируя слабость, свойственную многим рассказчикам: не догадываться, что действительно интересно слушателю, — однако, дабы вы лучше поняли, как на меня повлияла эта история, я должен рассказать, зачем отправился в те края, что видел и как поднимался по реке к тому месту, где познакомился с бедолагой, о котором пойдет речь. В те времена дальше заплывать на корабле было попросту невозможно. Эту историю я по сей день считаю кульминационной точкой своей жизни; она пролила новый свет на меня самого, на мои чаяния и мысли. То был безрадостный и тяжелый опыт, весьма прискорбный и не сказать, чтобы исключительный. У меня до сих пор нет ясного мнения о тех событиях... Да, полной ясности не наступило. Но все же свет был пролит.

В ту пору я, если помните, только что вернулся в Лондон после того, как лет шесть бороздил Индийский, Тихий океаны и китайские моря, — словом, на Восток насмотрелся вдоволь. Ничем особенным я дома так и не занялся, разве что мешал вам, ребятаки, спокойно работать и врывался в ваши дома так, будто Господь возложил на меня высокую миссию: расширить ваш кругозор. Хоро-

шее было время, спокойное. Однако отдыхать мне быстро надоело, и я стал подыскивать себе новый корабль — самое непростое дело на свете, ей-богу. На кораблях меня и видеть не хотели, и эта игра тоже мне вскоре опротивела.

В детстве я обожал карты. Часами разглядывал Южную Америку, Африку или Австралию, представляя себя великим первооткрывателем. В те времена на карте Земли было множество белых пятен, и я, завидев какое-нибудь соблазнительное пятнышко (впрочем, все они манили меня одинаково), говорил: «Когда вырасту, отправлюсь туда». Помню, одним из таких мест был Северный полюс. Что ж, могу сказать, на Северном полюсе я так и не побывал — а теперь и не рвусь. Очарование померкло. По обоим полушариям земного шара было разбросано множество подобных мест. Кое-где я побывал и могу заключить... а, ладно, сейчас не об этом. И все же одно пятно, самое большое и самое белое, так сказать, надолго запало мне в душу.

Впрочем, с годами оно перестало быть белым. Постепенно оно наполнялось озерами, реками, новыми названиями и уже не таило в себе пленительной загадки, каковую мечтал разгадать маленький мальчик. Края эти покрыла тьма. Но была там одна река, большая и могучая, которая на карте походила на огромную змею, расправившую кольца: голова ее скрывалась в море, тело вилось по обширному континенту, а хвост терялся в его глубине. Когда я стоял перед витриной и разгля-

дывал эту карту, она зачаровывала меня подобно тому, как змея гипнотизирует птаху — маленькую глупую птаху. А потом я вспомнил, что на этой самой реке ведет торговлю одна крупная контора, одна Компания. Черт подери! — подумал я. Без пароходов на такой огромной реке не поторгуешь, это как пить дать! Отчего бы мне не стать капитаном речного парохода? Я прогулялся по Флит-стрит, но мысль все не шла из моей головы. Змея очаровала жертву.

Как вы понимаете, торговая контора располагалась на континенте, но у меня предостаточно родственников в тех краях: по их уверениям, жизнь там дешевле и не так отвратительна, как может показаться на первый взгляд.

Словом, я начал донимать этих родственников — что для меня уже само по себе было в новинку. Я не привык просить о помощи и всегда шел туда, куда меня могли донести собственные ноги, но тут почувствовал, что должен попасть в те края любой ценой, всеми правдами и неправдами. Сперва я прицепился к родственникам мужского пола. Они в ответ только восклицали: «Дружище!» — и ничего не делали. Тогда — подумать только! — я начал надоедать женщинам. Я, Чарли Марлоу, задал работенку прекрасному полу, чтобы те пристроили меня на работу. Силы небесные! Но, как видите, я был одержим идеей. Моя тетушка, добрейшая и увлеченная душа, написала: «Помогу с огромным удовольствием. Ради тебя я готова на все, на все! Какая славная затея.